

НЕТ МИРА ПОД ОЛИВАМИ

Кто из нас не знает простой истины: «Никогда не поступай с другими так, как не хотел бы, чтобы поступали с тобой». И все же людям не удается быть добрыми и терпимыми не только по отношению к посторонним, но даже и в повседневном общении с своими ближними. Антагонизм пронизывает все этажи человеческого общества — от взаимоотношений между соседями по дому до международной политики.

Испокон веков философы-оптимисты считали, что человек по своей природе добр. Иную позицию выразил китайский мыслитель Сюнь-цзы: «Человек имеет злую природу». Английский философ восемнадцатого века Джон Гоббс считал, что прежде чем люди «договорились» об объединении в общество, их взаимоотношения были постоянной войной всех против всех.

Увы, все то, что мы постоянно видим вокруг себя, заставляет присоединиться к последней, пессимистической точке зрения. Но в чем причина дурных наклонностей людей, их нетерпимости к ближнему? Лежит ли она в природе человека как биологического вида или определяется конкретными условиями существования каждого из нас?

Строго говоря, в природе нет такой категории как «зло». Животные, и человекообразные обезьяны в том числе, проявляют агрессию лишь постольку, поскольку это необходимо им для выживания. Такую агрессию можно назвать доброкачественной. Злокачественная, деструктивная агрессия пришла на нашу планету с появлением Человека разумного. Только ему свойственны склонность к садизму, а также ксенофобия, сплошь и рядом ведущая к геноциду.

Доброкачественная агрессия, широко распространенная в животном мире, лежит в основе так называемой территориальности. Что это такое? У очень многих высших животных — таких, как птицы и млекопитающие, — каждый индивид стремится оберегать от посягательств так называемое «персональное пространство». Животное испытывает дискомфорт, если особь того же вида и того же пола оказывается слишком близко. Если персональное пространство достаточно велико, его называют территорией. Владелец территории активно охраняет ее границы от проникновения прочих особей своего вида, не обращая никакого внимания на пришельцев всех прочих видов.

Так называемая групповая территориальность свойственна даже тем живым существам, которые на эволюционной лестнице стоят очень далеко от птиц и млекопитающих. Таковы социальные насекомые: осы, пчелы, муравьи. Каждая община этих созданий имеет свой собственный уникальный запах. Пчела, пахнущая по-иному, чем хозяева улья, будет немедленно заколота насмерть ядовитыми жалами, если ненароком попадет в чужое жилище.

Территориальное поведение в самых разных его формах не чуждо и людям. Вы входите в полупустой вагон метро и стараетесь сесть подальше от других пассажиров. Необходимость выбора свободного места в вагоне, где их осталось всего два или три, порождает определенный психологический дискомфорт — вы нарушаете персональное пространство сидящих пассажиров и жертвуете на время своим собственным. Массивный мужчина или полная женщина, «нахально втискивающиеся» между счастливыми обладателями сидячих мест, нередко вызывают у своих новоявленных соседей более или менее явные признаки агрессивности. С точки зрения этолога или социального психолога, такая реакция кажется вполне естественной, а ее отсутствие плохо объяснимо и может выглядеть даже как отклонение от нормы.

Величина персонального пространства определяется особенностями культуры того или иного этноса. Известно, например, что латиноамериканцы часто обижаются на янки. Те не любят, когда посторонний подходит слишком близко — пусть даже с самыми добрыми намерениями. Если для латиноамериканца сближение вплотную с собеседником означает открытость и доверительность, то для янки это — чрезмерная фамильярность, граничащая с оскорблением. В такой ситуации естественно желание отступить на шаг назад, но это будет воспринято в качестве обиды вторым участником беседы.

Территориальное поведение — черта, возможно, генетически свойственная людям. Я помню, как на пляже моя трехлетняя дочка ковыляла в сторону прохожего, приближающегося к одеялу, расстеленному мной на песке, словно пытаюсь охранять наши пожитки от бесцеремонного чужака.

В наиболее острых формах территориальное поведение людей проявляется в условиях перенаселения, например в печально известных коммунальных квартирах. Это порождение социалистического строя выглядит нонсенсом с точки зрения жителей развитых стран. Не исключено, что «совок» именно потому так агрессивен, что вынужден жить в условиях постоянного

нарушения своего персонального пространства и своей территории, которая ограничивается комнатой и уголком на кухне с собственным столом для приготовления пищи.

Территориальная агрессия, в основе своей доброкачественная, легко перерастает в деструктивную, злокачественную в тех ситуациях, когда люди чувствуют, что оказались загнанными в угол. Такое возможно как в масштабах кухонных склок в коммунальной квартире, так и на уровне межнациональных конфликтов. Питательной почвой для взаимной ненависти между этносами оказывается ксенофобия — отрицательное отношение к «чужакам» и страх перед ними.

Ксенофобия (от греческих слов ксенос — чужой, фобос — страх, ненависть) в отличие от территориальности — черта не биологическая, но порождение культуры и традиций. Это очень давнее «приобретение» человечества. Под знаком ксенофобии, как это ни печально, проходила вся эволюция человеческих обществ.

Вот что мы видим, к примеру, у народов, не столь уж далеко ушедших от условий существования в каменном веке. У племени арапешей, живущего в джунглях Новой Гвинеи, ксенофобия коренится в представлениях этого экономически отсталого народа о своем превосходстве и исключительности, а также в непоколебимой убежденности, что все несчастья, грозящие общине, проистекают из колдовства чужаков-соседей. Причину болезни или смерти здесь видят в том, что пострадавший по неосторожности оставил где-то частицу своей «грязи», которая была найдена и заколдована недругами из соседней общины. Взрослые арапешаи говорят ребенку: «Если ты ешь ямс, то съедай его весь, не оставляй ни кусочка чужаку, который может захватить его и воспользоваться им против тебя. Когда ты спишь в доме, где есть чужаки, то ложись лицом вверх, чтобы ни одна капля твоей слюны не упала на кору. Ее могут захватить и спрятать чужие люди, твои враги». Каждый ребенок носит с собой корзиночку из пальмовых листьев, куда складывает остатки трапезы, дабы они не попали в руки врагов.

По словам американского этнографа Маргарет Мид, которая годами изучала жизнь арапешей, «чем бы ни занимался в данный момент человек — ест ли он, курит или занимается любовью, он неизменно озабочен тем, чтобы не

оставить ненароком частичку своей «грязи», которая, попади она к недругам, станет причиной его болезни или гибели».

Освященные древней традицией законы ксенофобии, господствующие теперь уже внутри единой нации, определяют и антагонистические в своей основе взаимоотношения между кастами (или, точнее, варнами) у многих народов Южной Азии.

Кастовые отношения в Индии, Непале, Шри-Ланке — это порождение древней системы верований, которые легли в основу религиозных представлений индуизма. Здесь до логического конца доведено противопоставление понятий «чистота» — «нечистота», с которым мы познакомились на примере новогвинейских арапешей. Идеи скверны, нечистоты, чистоты, очищения и другие им подобные тесно связаны для первобытных людей с верой во враждебность либо благосклонность потусторонних неведомых сил.

Индуизм взял на вооружение подобного рода поверья, добавив к ним целый ряд новых. Например, мощным источником нечистоты индуисты считают всякое насилие — и не только над людьми, но и над животными, растениями и над матерью-землей. Именно поэтому человек из высшей касты брахманов, объединяющей духовенство, ни под каким видом не должен заниматься земледелием (при котором наносятся раны земле), а профессии мясника, забивающего скот, и маслобая, отнимающего жизнь у семян растений, относятся к числу «нечистых».

Степень «чистоты» определяется в первую очередь родом деятельности людей: если любая каста из варны брахманов, стоящей на страже чистоты всего общества, по определению относится к наиболее чистым, то касты прачек либо ассенизаторов оказываются среди наиболее нечистых, «неприкасаемых», коль скоро они по роду своих занятий непосредственно соприкасаются с «грязью», с отходами жизнедеятельности людей.

«Нечистота» передается через воду, пищу и даже через прикосновение. Так что если член какой-либо из нечистых каст выпьет воду, поданную ему человеком из нечистой же, но все же более низкой касты, он утратит при этом часть чистоты, которой «наследственно» располагает его каста, ибо «чистота» — состояние неустойчивое, а «нечистота» вездесуща и заразительна. Чтобы сохранить уровень «чистоты», присущий данной касте, человек должен

постоянно, под страхом исключения из касты, совершать омовения и всевозможные ритуальные очищения, особенно после опасного контакта с членом нижестоящей касты. Стоит ли говорить при этом, что «нечистота» передается мощным потоком при половых контактах. Отсюда — строжайший запрет не только на браки, но даже и на мимолетные половые связи между представителями разных каст.

Как пишет один из знатоков индийской культуры И.П. Минаев, «...индиец, отлученный, изгнанный из касты, лишен всего, это — утлый челн, без руля и весел; у него отнято все вместе с кастой, даже его национальность». Утешением для членов почти всех низких каст может служить лишь то, что существуют люди, стоящие еще ниже на социальной лестнице. Или, как говорят в Непале, «для всякого неприкасаемого есть свой неприкасаемый».

Своеобразные проявления агрессивности, не контролируемой сознанием цивилизованного человека, существуют и в современном индустриальном обществе. Я не говорю уж о схватках футбольных фанатов — проявлении незрелого, инфантильного, детского, по существу, восприятия мира, недалеко ушедшего от первобытного сознания. Любопытно, что подобного типа агрессия зачастую «переадресована» — направлена не только на людей, но и на неодушевленные предметы: витрины, автомобили... Вот вам типичная деструктивная агрессия, основанная на принципе «Создай себе врага», одно из проявлений разрушительного эффекта толпы.

С точки зрения социального психолога, гораздо интереснее случаи спонтанной, вроде бы не спровоцированной агрессии, многочисленные примеры которой дает нам человек, сидящий за рулем автомобиля. Американские социальные психологи заинтересовались тем, какие эмоции испытывает водитель, сталкиваясь с неадекватными действиями других участников автомобильного движения. Анкеты с целым рядом вопросов, касающихся этой темы, были разосланы 26 мужчинам и 27 женщинам, постоянно пользующимся автомобилем.

И что же оказалось? 12% мужчин и 18% женщин признались, что они нередко ощущают острое желание убить водителя, который своими непредсказуемыми действиями нарушает привычный ход событий. Большинство опрошенных — 77% мужчин и 56% женщин в таких ситуациях проклинают мешающего им водителя про себя, а 23% и 41 % соответственно

ругаются вслух. И это воспитанные, бесстрастные американцы, живущие в тепличных условиях организованного государством комфорта!

Как выяснилось из проведенного анкетирования, одно из проявлений неконтролируемой агрессивности в таких ситуациях — подача звуковых сигналов. Это позволило исследователям приступить к изучению агрессивности людей на автомобильной трассе, пользуясь примерно теми же приемами, что и зоолог, наблюдающий в природе из укрытия за поведением животных.

Эксперименты проводили следующим образом. Один из участников исследования сидит за рулем, а второй, скрытно расположившись неподалеку от светофора, наблюдает за происходящим. Первый подъезжает к перекрестку, пока горит красный свет. При включении зеленого сигнала он запускает секундомер и лишь спустя 12 секунд трогается с места. Все это время наблюдатель фиксирует марку стоящего сзади автомобиля, пол водителя и его поведение — в частности, момент, когда тот в нетерпении начинает сигналить.

Очень интересно было выяснить, существуют ли в принципе какие-либо особенности у препятствующего движению автомобиля, которые могут вызывать наиболее агрессивную реакцию водителя, принужденного к пассивному ожиданию. С этой целью исследователи меняли антураж своей машины. Например, в некоторых опытах они клали винтовку на полочку у заднего стекла, и наклеивали на него яркий ярлык с надписью. Слово, отпечатанное крупными буквами на ярлыке, изменялось от опыта к опыту. В одних случаях это было слово «Друг», в других — «Мечь».

После того, как удалось провести 137 опытов с ничего не подозревавшими водителями-мужчинами и 63 — с женщинами, выяснилось следующее. Как могли бы с самого начала догадаться и мы с вами, в наибольшем числе случаев «звуковую агрессию» наблюдали у водителей-мужчин, управляющих автомобилями современных марок в тех случаях, когда движению препятствовала машина с винтовкой у заднего стекла и с надписью «Мечь». Здесь антагонизм проявлялся в 65% случаев. Если эта надпись присутствовала, а винтовки не было, процент негативных реакций у водителей этой категории был почти вдвое ниже (33%). Интересно, однако, что при той же комбинации «винтовка — «Мечь» открытые проявления агрессивности (в форме подачи звуковых сигналов) оказались несопоставимо более низкими (всего лишь 14%) у мужчин, управляющих старыми, не престижными машинами.

Из этой серии опытов можно сделать два интересных вывода. Во-первых, появляется возможность предположить, что в современном городе агрессивность по отношению к тебе со стороны окружающих может быть вызвана совершенно невинными, на первый взгляд, чертами твоего облика — например, надписью на майке. Вспомним, как у нас в 50-х годах прошлого века население ненавидело «стиляг» за их длинные волосы и брюки дудочкой. Второй вывод состоит в том, что даже на автомобильной трассе, где по закону все равны, поведение водителей отражает их социальное неравенство. Водители престижных автомобилей не сдерживают своих негативных эмоций, тогда как собственники старых машин ведут себя много скромнее, осознанно или скорее неосознанно учитывая свой сравнительно невысокий социальный статус в данной ситуации.

И все же самое неожиданное, что удалось узнать при изучении агрессивных эмоций водителей, — это роль так называемой дегуманизации, а по-русски — обезличивания твоего потенциального недруга. В этой части экспериментов психологи использовали занавески, закрывающие заднее стекло автомобиля экспериментатора. Кроме того, чтобы едущий сзади водитель не мог видеть лица сидящего за рулем той машины, которая тормозит движение, ее зеркало заднего вида частично заклеивали пластырем. Поразительно, насколько резко эти манипуляции изменили поведение тех людей, которые невольно оказались участниками опытов.

Из 48 водителей, чье поведение наблюдали психологи, при открытых занавесках звуковые сигналы подавали 31%, при закрытых — 52%. Наибольшее число проявлений нетерпения, которое можно было расценить как признак агрессивности, наблюдали при задернутых занавесках, если к тому же из-под них торчала винтовка, а надпись на наклейке гласила: «Мечь». В таких ситуациях 77% водителей, не вытерпев задержки всего на какие-то 10 секунд, начинали отчаянно сигналить.

Любопытно и то, что водители-женщины, в отличие от мужчин, практически не меняли своего поведения в зависимости от присутствия или отсутствия оружия за стеклом идущего впереди автомобиля, как и от того, что именно было написано на наклейке. Впрочем, и в тех и в других случаях нервозность проявляли 50% от числа водителей-женщин. Неожиданным оказался лишь тот факт, что во всех опытах самый высокий уровень «автомобильной агрессивности» (80%) был отмечен у женщин, дорогу которым преграждал авто-

мобиль, ничем не замечательный — с открытыми занавесками, без винтовки и какой-либо наклейки.

Это согласуется, правда, с данными анкетирования, которые показали, что женщины в целом чаще, чем мужчины, реагируют негативно, когда идущий впереди автомобиль перестраивается, не просигналив предварительно. Если среди мужчин это вызывает раздражение у 58% опрошенных, то у женщин эта цифра вырастает до 92%.

Как видим, человека трудно отнести к миролюбивым созданиям. Требования этики заставляют нас постоянно скрывать свои негативные эмоции, но они готовы прорваться наружу из-за любого пустяка. Как в той советской песне: «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути...». Особенно благоприятна почва для возникновения конфликтов в современном мегаполисе с его невероятной скученностью людей. Здесь поневоле оказались утраченными те выработанные древней традицией неписанные законы общежития, которые до сих пор практикуются у народов с примитивными, «первобытными» формами экономики.

Бушмены — охотники и собиратели Южной Африки — охотно объясняют чужеземцам, что жизнь в большом коллективе чревата возникновением вражды. Поэтому их кочевые группы обычно состоят не более чем из полутора десятков членов. На бивуаке заслоны из ветвей, служащие защитой от ветра и солнца, каждая семья размещает не ближе 20—25 метров от места стоянки другой семьи, так что в результате на одного человека в лагере приходится в среднем 60 квадратных метров площади. Когда же две группы устраиваются на некоторое время по соседству, дистанция между их лагерями не должна быть меньше дальности полета стрелы при выстреле из лука.

Устойчивая группировка южноамериканских индейцев яноама живет оседло в очень большой общей хижине, где каждая семья имеет собственный очаг. Понятно, что со временем численность такого коллектива возрастает. Но, как оказалась, в нем редко когда бывает более сотни персон. При численности в 40-60 человек деревня может выставить в качестве боевого отряда для защиты от набегов соседей около 10 мужчин-воинов. Но этого, очевидно, недостаточно, если принять во внимание обстановку взаимного недоверия, коварства и непредсказуемости, царящую в отношениях между общинами. Два таких отряда делают общину менее уязвимой и обеспечивают более успешные набеги на

соседей для похищения тамошних женщин. Два десятка бойцов соответствуют общей численности общины порядка 100 человек.

Однако при дальнейшем разрастании коллектива резко увеличивается вероятность внутренних раздоров. Мужчины яноама чрезвычайно вздорны и злопамятны, и даже незначительная размолвка между ними может легко перерасти во взаимную нетерпимость. В скрытую вражду неминуемо оказываются втянутыми родичи с той и с другой стороны. Развязка часто наступает после того, как воины в часы вечернего досуга накурятся эпены — особого порошка, изготовляемого индейцами из ядовитых растений и вызывающего галлюцинации. В состоянии наркотического опьянения недруги приглашают друг друга на ритуальное состязание в силе, которое зачастую перерастает в серьезный конфликт с использованием отравленных стрел. Именно такие эксцессы служат обычно толчком к распаду общины. Из нее уходит целая группа лиц, связанных близким родством и силой авторитета воина, берущего на себя роль лидера в отделяющейся группировке.

Интересно, что нечто очень похожее видим и у многих братьев наших меньших, живущих сплоченными группами. Первое, что приходит здесь в голову, — это роение пчел. Когда к концу лета семья этих насекомых сильно разрастается, сотни рабочих пчел, сцепившись друг с другом и образовав плотные гроздья, празднично повисают на нижнем краю сотов. Не пройдет и нескольких дней, как десятки тысяч рабочих покинут перенаселенное гнездо, увлекая за собой матку — свою прародительницу.

С выходом роя семья делится примерно пополам, и пчелам той части общины, которая сохранила привязанность к родному дому, не остается ничего другого, как ожидать скорого рождения юных претенденток на роль царицы. Та из них, что покинет свою колыбель первой, имеет прекрасные шансы стать престолонаследницей. Для этого ей лишь следует не пропустить момента выхода из ячеек-маточников других юных маток — ее сестер и конкуренток — и на смерть поразить их своим ядовитым жалом-яйцекладом.

Приматы также не склонны мириться с условиями перенаселения. Например, у японских макаков при увеличении численности стада свыше 200 особей оно скорее всего распадется на две независимые группировки. Рано или поздно очень большую группировку покинет значительная часть самок с детенышами, уходящих под предводительством одного-двух самцов, у которых постепенно нарастает

неудовлетворенность своим невысоким статусом в чрезмерно разросшемся коллективе. Лидером группы эмигрантов может стать стареющий патриарх, который с течением времени все чаще терпит поражение в стычках с более молодыми и напористыми самцами, либо, наоборот, мужающий тщеславный боец, рассчитывавший приобрести более высокий социальный статус в группировке, покидающей родное стадо.

Повседневные и весьма разнообразные проявления насилия — это главная беда, от которой страдает сегодня человек. К сожалению, приходится признать, что эволюция общества ведет не к снижению взаимной нетерпимости, как надеялись мыслители прошлого, но к ее усилению буквально во всех сферах нашей жизни. Неконтролируемый рост народонаселения ведет к все большей скученности людей и, следовательно, к прогрессирующей борьбе между ними за персональное пространство, за свою значимость, за власть. И сопоставления с тем, что мы видим в мире животных, отнюдь не в пользу человека.

Разумеется, взаимоотношения среди братьев наших меньших весьма далеки от идиллических, как мы видели это на примере пчел с их, казалось бы, на редкость рационально организованной общиной. Здесь также постоянно льется кровь неудачников — вопреки тому, что пытаются внушить нам научно-популярные телепрограммы о жизни животных.

С точки зрения натуралиста агрессия в мире природы объективно полезна: биологи склонны рассматривать ее как регулятор численности вида, которая все время остается на некоем постоянном уровне. Соотношение количества жизненных ресурсов и индивидов, которые на них претендуют, сохраняется относительно постоянным на протяжении многих тысячелетий. Кроме того, поскольку братья наши меньшие не обладают силой человеческого разума, мы не должны судить их с позиций морали и этики, ибо они «не ведают, что творят».

У людей же агрессия и насилие оказывают, как правило, отнюдь не позитивное, но в высшей степени деструктивное воздействие. Вот что писал по этому поводу лауреат Нобелевской премии, известный биолог Нико Тинберген: «Человек, с одной стороны, сродни многим видам животных... в том, что ведет борьбу с представителями своего собственного вида. Но с другой стороны, среди многих тысяч биологических видов только у человека эта борьба разрушительна. Человек уникален тем, что он составляет вид массовых убийц; это единственное существо которое не годится для своего собственного общества».

Е.Н. Панов
доктор биологических наук, профессор